

КЛАССИКА РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Д. А. Дриль

УГОЛОВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ Фрагменты работ разных лет*

С развитием за последнее время, с одной стороны, физиологии вообще и физиологии нервной системы в частности, а с другой — психиатрии или патологии души, понемногу стали вскрываться и тайники душевной жизни. Психология получила, наконец, прочные основы, понемногу начала занимать неоспоримо принадлежащее ей место в семье других наук или, правильнее, отделов науки и стала оказывать постоянно возрастающее влияние на обществоведение. Только почти полное отсутствие научной психологии могло и в прежнее время обуславливать обособленную разработку социальных наук, почти вне всякой связи с науками естественными, разрабатывавшимися путем опыта и наблюдения. Раз психология становится на научную почву, — она неминуемо должна сделаться базисом наук общественных и их необходимою связью с науками естественными**, составляющими с первыми один восходящий и постоянно осложняющийся ряд. Иначе и быть не может. Слагающей единицей или клеточкой, из которых составляется общество — это крайне сложное целое — являются люди. <...>

Дурно уравновешенные натуры встречались и встречаются во все эпохи. Пока их немного — общественная жизнь течет своим чередом, без крупных потрясений, и они являются в качестве отдельных, хотя и весьма беспокойных личностей, в качестве людей эксцентричных, странных, экзальтированных, неистовых, крайне страстных и инстинктивных. Совсем не то, когда вследствие предшествующих небла-

* Дриль Д.А. Преступность и преступники (Уголовно-психологические этюды). СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1895. (С. 117-121. 153, 180-184); Дриль Д.А. Бродяжество и нищенство и меры борьбы с ними. СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1899. (С. 3-9).

** В этом случае я придерживаюсь общераспространенной, но едва ли правильной терминологии. И обществоведение, поставленное на правильные основы, должно быть отнесено к числу наук естественных.

гоприятных условий общественной жизни, вследствие предшествующей порчи нравов, эти продукты органического регресса нарождаются сравнительно в значительном числе, когда они появляются во всех слоях общества сверху донизу и часто становятся его руководителями на верхних ступенях общественной иерархии, когда они вследствие своей многочисленности получают силу и значение и создают общественные течения — тогда их дурная уравновешенность и их неприспособленность не замедливают сказаться во всех проявлениях общественной жизни, и тогда общество, одинаково в рядах консерваторов и радикалов, начинает кишеть недовольными и беспокойными личностями, которые носят причины своего недовольства главным образом в самих себе и потому никак и нигде не могут успокоиться, которые в качестве различных общественных деятелей не останавливаются ни перед какими насилиями и несправедливостью, и свою беспокойность и страстность часто увлекают в свой водоворот и личностей довольно хорошо уравновешенных. Но если в обществе здоровых сил еще достаточно, то кризис, явившийся прямым следствием предшествующей нравственной распущенности, корни которой отходят в глубь индивидуальной жизни, минует, воздух постепенно очищается, и уравновешенные общественные элементы снова берут перевес и восстанавливают нарушенное равновесие.

Было бы, впрочем, крайне ошибочно заключать из сказанного, что сознание значительной неудовлетворенности многого из существующего и стремление к его значительным изменениям не могут зародиться и у хорошо уравновешенных людей; действительность нам показывает противное. Но у них это сознание и это стремление, не сопровождаясь слишком живо ощущаемым недовольством, крайней раздражительностью легко задеваемого самолюбия и другими неблагоприятными особенностями, которые суть следствия внутренней, присущей самому психофизическому организму неуравновешенности, не отмечаются столь же страстным характером, столь же крайней нетерпеливостью, и сдерживаются в известных пределах чувством благожелательности и симпатии к людям и потому не ведут к излишествам чрезмерно обостренной борьбы. Их действия не оттеняются характером страстных влечений, которым, вследствие внутренней боли, недовольства, раздражительности и несколько болезненного влечения к сильным ощущениям, отличаются действия людей дурно-уравновешенных. Впрочем, и такие люди, если только их действия не переходят известного предела, несмотря на указанные свойства их деятельности, в механизме природы часто выполняют полезную роль для сохранения и развития целого. Внося в свою нетерпеливую, часто почти лихорадочную деятельность лично-страстный характер, они тем самым иногда способствуют быстрейшему уяснению и даже сравнительно быстрому устранению тех условий, которые неблагоприятно и вредоносно действуют на общество.

Таков, по-видимому, в самых общих чертах механизм общественных катастроф. Внимательно присматриваясь и спокойно вдумываясь в него, нельзя не припомнить слов д-ра Tebaldi, который совершенно справедливо замечает, что в психологии сумасшествия (она охватывает и учение о вырождениях) нам рисуется история человеческой цивилизации и что резкие краски и странные контрасты первой освещают новым светом глубочайшие общественные вопросы.

После всего сказанного становится понятно важное значение изучения психологии для обществоведения. Только при таком изучении, как нам кажется, станет

возможно глубокое понимание общественных явлений, которые, как мы это старались показать, представляют собою не более, как внешнее проявление внутренней жизни составляющих общество единиц со всеми его особенностями, отражающими особенности бессознательно-органической жизни.

Все это приводит нас к заключению, что основой для изучения общества должно служить тщательное изучение составляющей общество единицы — человека, иначе говоря, должна служить психофизиология или даже, правильнее, антропология. Если без такого изучения невозможно открытие законов душевной жизни отдельного человека, то без него, как мы старались показать, невозможно и открытие законов жизни множества людей или общества.

Но человек, каким мы его знаем в действительности, несмотря на единство названия, в одном и том же обществе представляет крайние разновидности и бесчисленные переходы от вполне непригодных к общественной жизни типов к типам, составляющим и составляющим украшение человеческого общества. Поэтому и психофизиология, долженствующая служить основой для обществоведения, не может и не должна ограничиваться более обычными типами, а напротив, должна изучать и различные промежуточные типы, типы уклонений, которые живут и свободно действуют в обществе, вносят свою соответствующую долю в характер его жизни и нередко, как мы видели, налагают особый отпечаток на целые исторические эпохи. Только захватывая и эти типы и соединяясь с психопатологией, она будет в состоянии осветить действительный смысл многих исторических событий.

Таковы требования, которые вследствие развития знаний сами собою предъявляются к человеку, занятому изучением общественных явлений. В настоящее время, время далеко подвинувшегося вперед изучения природы, а в том числе и человека, социолог не должен уклоняться от прочного обоснования своей науки. Только такой базис придаст ей то плодотворное направление, потребность которого уже давно ощущается многими умами нашего времени. При современном развитии науки вообще, задачи общественных наук не могут ограничиваться описательным изучением. Нет, они требуют большего — оснований для творческой деятельности в социальной области, иначе говоря, оснований для прикладных общественных наук. А для этого необходимо изучение законов общественных явлений. Что между прочим предполагает и изучение условий как внешних, так и внутренних, при которых развиваются и формируются различные человеческие типы во всех их разновидностях, и изучение самих этих типов. Только при таком условии общественные науки будут вполне выполнять свою роль и сделаются плодотворным источником совершенствования человеческих отношений, а чрез то и самого человека, и источником упорядочения жизни человечества, согласно указаниям и требованиям науки.

В среде общества рождаются и живут малолетние и взрослые преступники; они его отражение; они «плоть от плоти его и кость от кости его». Под влиянием особенностей создаваемых обществом жизненных положений подготавливаются и развиваются присущие им особенности натуры, наталкивающие их при известных условиях на преступление вообще и на различные его виды в частности. Шли века, миновали эпохи, сменялись поколения, и каждое из них, руководимое своими многоразличными интересами, приносило свой вклад в созидание существующего обще-

ственного строя с его достоинствами и недостатками. В ходе чрезвычайно сложных исторических явлений, наряду с хорошими и светлыми сторонами, развивалось и множество крайне темных сторон. <...>

В наших понятиях о наказании есть много завещанного нам веками далекого прошлого, и, не отрицая вполне устрашения, лично я мало надеюсь на его спасительное влияние. Страх не действует и не может действовать постоянно. У дурных натур легко возникают увлечения, вытекающие из особенности их существа, и наступают моменты забвения, когда представления об опасности и чувство страха отпадают и не говорят в них, и тогда они все снова и снова впадают в преступления. Необходимо, чтобы в самом человеке существовали внутренние задерживающие моменты. Но много ли делается в направлении развития последних? Когда совершается преступление, общество приходит в беспокойство и считает нужным самозащищаться. Но где оно было и что делало оно, когда нужно было приспособлять к жизни в обществе этого уже готовящегося преступника? И потом, что дает оно весьма многим в их жизни, следующей за периодом воспитания? Наибольший грех современных обществ состоит в том, что они слишком мало заставляют вибрировать в человеке хорошие и благородные чувства, а, напротив, возбуждают в нем изо дня в день чувства дурные. Припомним хотя бы тех поистине несчастных, которые шатаются по улицам наших больших городов, лоя все случаи приобрести себе кусок хлеба. И которые встают каждый день утром, не зная, как и чем они проживут до вечера. Окруженные при этом на каждом шагу невольной манящей их роскошью и избытком, они, конечно, ничего, кроме недобрых чувств к окружающим их счастливым, питать не могут.

Но вот кто-либо из этих несчастных падает и совершает преступление. Что делает общество тогда? Оно сажает его в тюрьму. Я видел тюрьмы в Германии, Англии, Франции, Италии, Бельгии, Швейцарии и Австрии. Многие из них поистине прекрасны с внешней стороны и дают значительно больше, нежели дает многим из них жизнь на свободе; для таких они — пристанища. Но что дают они со стороны нравственной? В большинстве случаев очень мало, а если и много, то в отрицательном направлении. Они дают однообразную работу, келью или совместное разращение. В них обыкновенно не существует классификаций по особенностям характеров, не существует индивидуализации нравственных влияний и никакого сколько-нибудь серьезного изучения личности и основных причин ее падения. Но разве одна работа и келья достаточны для нравственного подъема? Разве для воспитания и исправления вашего ребенка вы запрете его на долгие годы в одиночную келью? Конечно, нет. Но сравнительно короткое время и келья может быть полезна, как одно — и притом одно из самых сильных средств, но она не панацея.

А что ожидает выпущенника за дверями тюрьмы? Надо быть справедливым и признать, что мы почти ничего или очень мало сделали для действительного поднятия падшего. Освобожденного ожидают на свободе крайнее недоверие и презрение; часто его ждут всякие лишения и тяжелый изнурительный труд, а вместе с тем и всякие соблазны, как бы нарочно рассчитанные на его совращение. Натуры, от природы одаренные большим или меньшим избытком нравственных сил, еще могут противостоять и с некоторым успехом бороться за свое существование в установленных формах и при очень неблагоприятных условиях, но таких натур нет или почти нет в тюрьме. Натуры же слабые легко подавляются и падают. Если в пер-

вый раз, находясь относительно в более благоприятном положении, они не устояли в борьбе, то тем легче теперь они снова падут.

Что же делать? — спросите вы. Кроме исправляющего правосудия необходимо проводить и политику, ту высшую политику, которая состоит в принятии широких мер предупреждения, предназначенных действовать на уничтожение далее наиболее отдаленных причин преступности. И это должно быть впереди всего. Мы же всего более надеемся на устрашение и на поправление уже свершившегося. Но верен ли такой расчет? Отвечу сравнением. Что мы можем сделать с усиленно развитой чахоткой? Ничего или очень мало, но предупреждать чахотку мы можем, и, притом, очень усиленно. То же и в сфере преступления, где важнее всего изучать и воздействовать на причины, производящие так называемые опасные классы. Без этого невозможна сколько-нибудь успешная борьба с преступлением, развивающимся на почве физического и психического ухудшения и деградации породы. <...>

При раздумье над вереницей веков настойчивой борьбы с бродяжеством и нищенством в его многообразных формах невольно возникают вопросы, где же и в чем кроются причины прискорбных явлений? Что гонит всех этих людей на торную дорогу нищенства и бродячества, на все унижения, невзгоды и лишения, связанные с нею? Откуда исходят поразительно-странно извращенные вкусы, побуждающие людей отказываться от положения полноправной личности человека-гражданина и от всех соединяемых с ним гарантий ее свободы и неприкосновенности и добровольно становиться в ряды, в полном смысле слова, отребья общества, нередко избирающего загородные свалки мусора своими жилищами?

Перед этими вопросами, раз они ясно поставлены и их значение столь же ясно и притом живо сознано, невольно приходится остановиться в недоумении. <...>

Борьба с бродяжеством и нищенством ведется не со вчерашнего дня, ведется издавна — в течение веков и притом различными средствами, не исключая самых крайних и жестоких, — смертной казни, отдачи в рабство, галеры, клеймения, битья кнутом, ссылки и проч. И что же? Как прежде, так и теперь нищенство и бродяжество существуют. По-прежнему они составляют одну из гноящихся язв человечества; по-прежнему ведутся толки о необходимости энергичной борьбы с ними и по-прежнему иногда пропагандируются более или менее крутые меры противодействия.

Конечно, на пространстве времен под действием многообразных исторических условий, нищенство и бродячество во многих своих элементах, составляющих переменные добавочные наслоения, более или менее изменялись, но это нисколько не изменяло сущности вопроса о них, потому что их основной фонд — если мне позволено будет так выразиться — в течение веков неизменно сохранял присущие ему особенности. И это наблюдается всегда. Если существует постоянное стойкое основное ядро, сложившееся под влиянием устойчивых факторов, то уже самое его существование вызывает и образование различных более или менее долго сохраняющихся, но изменчивых наслоений, которые бывают неоднородны с ним, придаточны к нему и образуются под влиянием других преходящих факторов.

Кроме кар против бродячества и нищенства пытались употреблять иногда и меры другого порядка. Напомню один из наиболее интересных примеров.

Первый император Франции, великий Наполеон, в числе своих прочих грандиозных проектов задумал вырвать с корнем и нищенство. Он до известной степени

верно понимал значение предстоявшей при этом обществу обширной задачи, но думал разрешить ее быстро и просто, исключительно путем полицейско-административных мер, не касаясь производящих причин. К сожалению, он не принимал при этом во внимание, как ясно видно из его последующих распоряжений, особенностей общества, среди которого возникает и развивается нищенство и отношения которого оно порождается, а также упускал из вида и конституциональные особенности самих бродяг и нищих*.

В своем письме к министру внутренних дел Crete от 2-го сентября 1807 г. Наполеон писал: «Дело должно быть поставлено так, чтобы можно было сказать: каждый нищий будет арестован. Но арестовать его для того, чтобы поместить в тюрьму, было бы глупостью и варварством; его нужно задержать только для того, чтобы научить добывать себе средства существования посредством труда. Необходимо поэтому в каждом департаменте иметь один или два благотворительных работных дома или мастерских. <...> Было бы также ошибкой представлять себе это дело иначе, как в очень больших размерах. Вопрос идет о громадном предприятии, на которое должно затратить 8 или 10 миллионов». Их Наполеон проектировал отнести не на счет государства, а на счет департаментов, которые, согласно его плану, все должны были участвовать в издержках.

В письме из Фонтенебло, от 24 ноября того же года Наполеон писал Crete: «Я связываю славу моего царствования с изменением поверхности территории моей империи. Исполнение этих громадных работ настолько же необходимо в интересах моих народов, насколько и в интересах моего личного удовлетворения. Я придаю большую важность и связываю большую славу с мыслию об уничтожении нищенства. В средствах нет недостатка; но мне кажется, что все это идет слишком медленно, а между тем годы уходят. Не должно проходить через землю, не оставляя на ней следа, который сохранил бы о нас память в потомстве. Я хочу уехать на месяц. Сделайте так, чтобы 15 декабря у вас были разрешены все эти вопросы и изучены в подробностях, чтобы я мог одним общим декретом нанести последний удар нищенству». Далее император говорит, что к этому времени должны быть готовы средства для содержания 60 или 100 учреждений, предназначенных для уничтожения нищенства. Он заканчивает словами, что к весне нужно сделать так, чтобы «Франция представляла зрелище страны, в которой нет нищих».

5 июля 1808 г. появился декрет Наполеона о нищенстве, который он сам продиктовал герцогу de-Bassano. «Нищенство воспрещается на всем пространстве империи», — говорилось в первом параграфе этого декрета. За декретом последовало распоряжение об открытии самих учреждений в различных департаментах, что и было исполнено.

В мысли о возможности нанести одним общим декретом последний удар нищенству и изучить в подробностях менее, нежели в три недели, обширный вопрос о нем, и заключалась основная ошибка Наполеона. Ему казалось, что стоит лишь предписать учредить благотворительные дома, в которых нищих будут приучать к работе, и тяготеющий надчеловеческим обществом и гнетущий его вопрос о бедности, оскудении и нравственном убожестве будет разрешен в корне, и «Франция

* Вопрос о конституциональных особенностях бродяг и нищих довольно подробно разработан в моем сочинении «Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями», с. 126 и след., к которому мы и отсылаем читателя.

представит зрелище страны, в которой нет нищих». Факты сказали, однако, противное. На пути к осуществлению смелых замыслов стояли преградою неверное понимание факторов и сущности явления, с которым желали бороться, и условия общественной жизни, способствовавшие, а не противодействовавшие нарастанию числа представителей оскуделых разновидностей человеческого рода.

Предписания и декреты дали и соответствующие учреждения. Ими нищенству не был нанесен не только последний, но, может быть, и первый удар, и великому императору-полководцу, привыкшему наносить быстрые и решительные удары на полях битвы, не удалось видеть и начала осуществления своей заманчивой мечты. Прекрасная в ее существе мысль императора исказилась на деле. В результате грандиозного плана получилось не исчезновение нищенства, а *depots de mendicite**, представлявшие собою, по общему признанию, какие-то гнилостно-зараженные клоаки, которые отравляли одним уже соприкосновением с ними и в которые без всякой заботы об устранении самих причин их образования, сваливались жалкие отбросы общества. Вся задача свелась лишь к тому, чтобы удалить с глаз долой докучливую и опасную массу, которую запирали в депо, и заботились лишь о том, чтобы она работала определенное число часов, не надоедала и не приставала. Последствия не замедлили показать несостоятельность такой политики. «Обученные работе» в депо бродяги и нищие и после своего освобождения не думали делаться самостоятельными гражданами. Раз побывавшие в депо потом постоянно возвращались в них снова, свыкались с ними и становились старожилами заведений. Новые обитатели также прибывали без замедления, и нищенство не уменьшалось в числе, несмотря на большую смертность в депо. Первоначально в них помещали задержанных нищих и всех бедных, желавших того. Но вскоре, вследствие переполнения, должны были ограничиться приемом только стариков, убогих, женщин и детей. Годных к работе нищих, напротив, стали присуждать в тюрьмы. Содержание депо обходилось дорого и потому многие из них были закрыты, не давши ожидавшихся от них результатов.

В восьмидесятых годах мне пришлось осмотреть и познакомиться с одним из таких депо в St. Denis. Это действительно была какая-то клоака. Ее ослабленное и инертное население состояло почти из одних постоянных обитателей, входивших и выходивших из нее все снова и снова. По характерному выражению жаргона таких заведений, все это были *cheveaux de retour***. По словам директора заведения, большинство населения депо принадлежало к людям, истощенным всевозможными лишениями или развратом, высшие духовные способности которых были почти атрофированы.

Таковыми же особенностями, конечно, отличаются и у нас соответствующие захирелые слои населения, из которых рекрутируется контингент нищих и бродяг. Вот, например, описание Петербургских ночлежников. «Если не все, то огромное большинство ночлежников страдает алкоголизмом, благодаря чему они и потеряли занятия, вышли, так сказать, из своей колеи и стали посетителями ночлежных домов». «Ночлежные дома являются главным притоном всевозможных "стрелков", т.е. нищих, "спиридонов-поворотов", т.е. высланных административным путем из

* Отстойник нищенства (фр.).

** Волосы, отрастающие после бритья (фр.).

Петербурга и самовольно в него возвратившихся. Все ночлежники одеты в рубище (добытая одежда тотчас меняется на одежду, потерявшую всякую ценность, с приплатою, которая идет на пьянство), носящее название "сменка". Сменки эти кишат паразитами; вся поверхность тела таких ночлежников и ночлежниц от расчесов покрыта ссадинами и струпьями. Значительное число ночлежников страдает хроническими болезнями: чахоткой легких, водянкою, язвами конечностей, эмфиземой, застарелыми катарями, ревматизмами и т.д., но в больницы они поступают в случае крайней необходимости (невозможности двигаться), так как в больницах "не могут получить водки"». <...>

Взглянем далее на вопрос алкоголизма. Силы человеческие ограничены вообще и в частности ограничены по индивидуальностям, а между тем, множество людей вынуждены за свой кусок хлеба переступить данную меру и уподобляться тому рентьеру, который расходует не только проценты, но и капитал и потому с каждым днем становится беднее. Немудрено, что они ищут укрепляющих средств и легко находят их в алкоголе. Сначала употребляют его, а потом, слабые, злоупотребляют им и становятся алкоголиками. А кто виноват? <...>

Недаром говорят, что пьют с радости и горя. Но, конечно, пьющих и заливающих до алкоголизма с радости сравнительно немного, тогда как пьющих с горя и незадачи — легион. Одними запрещениями много сделать нельзя. Но государство имеет и другие средства. Оно может воспользоваться живыми силами в самом обществе и направить их на борьбу со злом. Оно может возбудить общественное внимание и сосредоточить его на вопросе и тем самым подготовить общественное мнение, без чего невозможна глубоко-захватывающая деятельность. Оно может организовать всестороннее изучение и обсуждение явления, его многочисленных причин и действительных мер борьбы с ним в обширных собраниях научно-подготовленных специалистов, может широко распространять сведения о дебатах и заключениях таких собраний и тем самым, и многим другим возбуждать и стимулировать общественное внимание и частные усилия в самых различных пунктах территории. Наконец, оно может приходить на помощь начавшейся частной работе, направленной на ослабление и устранение глубоких причин алкоголизма, и может поддерживать ее своими могущественными средствами и т.д. Одним словом, возможно многое и очень многое, лишь бы было желание и ясное понимание.